

на плоды с дерева познания добра и зла и утратили мышление веры, библейского Откровения. Мы поклонились Идолу-Разуму, «убили Бога», и Бог ответил «вавилонским» смешением языков, «последними днями» разрушения Содома и Гоморры. Спасти мир могут только праведники, «живые верой», «искатели Господа». Они отведут карающую десницу Саваофа от грешного мира. Наш заступник пред престолом Всевышнего — Лев Шварцман-Шестов. Он, праведный, живет и будет жить в наших сердцах и умах, сильный мышлением веры: он пробудил в нас «жажду слушать слова Господни». Не кончилась последняя и величайшая борьба между Истиной Откровения и общеобязательными истинами умного зрения. В этой борьбе псалмопевец победил и победит Голиафа. «Господь Бог сил коснется земли, — и она растает, и восплачут все живущие на ней» (Амос., 9:5), но их вопли, их крики скорби не будут напрасны: «на весах Иова» они перевесят песок морей, поднимутся к Небу и будут услышаны Всевышним, волей Которого Л. Ш. был послан на землю.

Иерусалим

К. Д. ПОМЕРАНЦЕВ

На вечере памяти Льва Шестова

Давно в русском Париже не было вечеров, стоящих на таком высоком уровне, на каком прошел вечер памяти Льва Шестова, устроенный друзьями и почитателями покойного философа по случаю исполнившегося в этом году столетия со дня его рождения. Правда, в вечере приняли участие и французы — философы и богословы, — пришедшие почтить память русского философа и рассказать о влиянии, которое оказала на них его мысль.

Вечер состоялся в помещении Р. С. Х. Д. — 91, рю Оливье де Серр, в субботу 12 февраля.

Его открыл председательствовавший на вечере профессор В. В. Вейдле, сразу же передавший слово долголетнему другу, знатоку и переводчику Льва Шестова на французский язык Борису Шлёцеру, который в исключительно блестящем и глубоко верном анализе вскрыл сущность как шестовской философии, так и самой личности философа.

По словам Шлёцера, Шестов никогда не был ни материалистом, ни идеалистом и, вообще, не подходил ни под какие философские каноны, так как не укладывался ни в какие традиционные рамки, проведя всю жизнь в борьбе против «двух страшнейших врагов человека — логики и морали», не только закрепостивших человека

на земле, но посягнувших на небесах на самого Бога. Освободиться от их власти — освободиться от рабства: осуществить богоподобие и стать свободным. Основное противоречие — не противоречие добра и зла, но жизни и знания.

Но добился ли освобождения-просветления сам Шестов? Надо думать, что нет: длившаяся всю жизнь героическая борьба с самим собой была борьбой взбунтовавшейся воли против железного Разума. Пытаясь убедить других, Шестов прежде всего (так как в первую очередь) хотел убедить самого себя. Он ждал чуда, не веря в чудо, но верил в возможность веры. Отсюда и противоречия его философии, они умышленны и являются перенесенными в область философского анализа противоречий самой человеческой природы.

Докладчик изложил духовный путь Шестова — от его «открытия» Шекспира до знакомства с основателем современной феноменологии Э. Гуссерлем, в свою очередь открывшим Шестову Киркегора, сразу же ставшего главным камнем опоры шестовской философии.

Интересно замечание Шлёцера о том, что «Шестов всегда как бы жил с теми философами, о которых писал — Сократом, Плотинем, Спинозой, Блаженным Августином, Киркегором... Он их всех любил, любил как живых людей, совершенно не считаясь ни с эпохой, в какую они жили, ни со страной, к какой они принадлежали».

Шестов умер спокойно, во сне. За несколько часов до кончины читал «Упанишады», где карандашом подчеркнул слова — «Брама — есть радость». Не в них ли ответ на загадки его философии?

Иллюстрируя мысль, приемы и своеобразно-исключительный язык Шестова, А. Потемкин прочел отрывок из ранней статьи философа, посвященной разбору «Хозяина и Работника» Льва Толстого.

В. В. Вейdle, в кратком слове, постарался литературно «ситуировать» Шестова, который многими сторонами своей философско-литературной публицистики был близок к Д. Мережковскому и даже к Достоевскому.

Вторая половина вечера была посвящена собеседованию о Льве Шестове, в свете доклада Бориса Шлёцера, собеседованию, в котором приняли участие эссеист Ив Боннефуа¹, знаток русской литературы писатель и философ Брис Парен², известный всей русской колонии Парижа богослов Оливье Клеман³ и приехавший специально на вечер из Германии профессор майнцкого университета Э. Конради⁴, заявивший, что философская мысль Шестова оказала на него такое большое влияние, что он не смог удержаться, чтобы не приехать на вечер его памяти и не привезти «свидетельства своей любви к нему».

В газетной рецензии невозможно даже кратко коснуться самого собеседования. Скажу лишь об общем впечатлении: при всем почтении Шестова, при всем честном желании его понять для блестящего, но всегда остающегося картезианским французского ума шестовская

философия представляет неодолимые трудности. Ближе всех к Шестову оказался Оливье Клеман, но для этого ему пришлось превратить «определенную ап. Павлом веру как “уверенность в невидимом как бы в виденном” в киркегоровское сомнение».

В. Н. ИЛЬИН

Лев Шестов. *Sola Fide* — только верю (греческая и средневековая философия. Лютер и Церковь)

Эта книга великого мыслителя, одного из самых блестящих представителей русского Ренессанса и религиозной метафизики нового времени, могла бы быть названа «концентратом» всего лучшего, что есть в творениях этого мыслителя, если бы не характерная его особенность, которую можно определить как «*моноидеизм*», т. е. преимущественное господство одной единственной идеи, в качестве «лейтмотива» проходящей через все дивные философско-метафизические симфонии этого автора. Однако богатство сопровождающих эту «моноидею» других побочных идей и богатство литературного ее выражения и «подачи» — все это исключает какое бы то ни было однообразие. Правда, и сама моноидея всегда полна живого интереса, всегда возбуждает мысли читателя, даже религиозно нейтрального. Мне приходилось встречаться с людьми, в которых чтение произведений Л. И. Шестова пробуждали и развивали дотоле дремавшие духовные потребности. Л. И. Шестов принадлежит к числу тех немногих мыслителей нового времени, на которых почил дух Паскаля. У него есть три небольших, но чрезвычайно острых и глубоких творения, которые поэтому можно назвать «ключами» к творчеству этого мыслителя. Сюда прежде всего относятся «Гефсиманская ночь», посвященная непосредственно религиозной трагедии Паскаля, «Скованный Парменид», трактующий с удивительной силой и ясностью силу веры, снимающую с человека оковы, которыми он был скован прельщением науки и философии; наконец, книга афоризмов и статей под общим и характерным названием *Potestas clavium* («Власть ключей»). Разбираемая здесь книга «*Sola Fide — Только верю*» может быть признана в известном смысле увенчанием всего творческого богатства этого удивительного писателя. В этом смысле творения Л. И. Шестова цельны и действительно вполне сравнимы с «Мыслями» Паскаля. Так же, как и Паскаль со всеми немногими истинно верующими, Л. И. Шестов всем своим существом жаждет источника подлинной силы и мощи, а не пустых слов, каки-